

«ВЕРНОСТЬ» В ОТНОШЕНИЯХ КНЯЗЯ И ДРУЖИНЫ НА РУСИ В XII—XIII в.*

Терминологический анализ стал в последние годы популярным направлением в изучении древнерусской истории. Преобладают исследования социальных терминов — обозначений групп населения и социально-политических институтов¹. Но важным и плодотворным представляется также изучение тех слов, с помощью которых формулировались представления или идеи о взаимоотношениях людей, их общественном статусе, жизненных идеалах и т. п. В этой лексике тоже находила отражение социальная действительность, хотя и в несколько ином преломлении². Одним из таких представлений общего характера было понятие верности.

Когда говорят о верности, подразумевают обычно либо следование каким-либо этически окрашенным принципам и нормам (например, верность долгу), либо личную преданность кому-либо. В древности верность в отношениях между людьми также осознавалась как некая ценность, но более идеальное, возвышенное содержание это понятие имело в религиозном смысле — как следование религиозным заповедям и требованиям, собственно вера в бога (или богов) и верность ему (им). Оба смысла, которые вкладывались в понятие, можно рассматривать как две стороны одной медали, два взаимосвязанных и даже взаимообусловленных семантических пространства (потому что в основе *веры* и *верности* лежит *доверие*), но, по крайней мере, литературный и социальный контексты, в которых они вербализовались, были все-таки разные. Меня в данном случае интересует, находила ли применение идея верности в отношениях правителя (князя) и его служилых людей (дружины) на Руси до конца XIII в. Метод исследования вопроса — анализ лексики, производной от слова «вера», в памятниках древнерусской литературы в тех случаях, когда описываются эти отношения.

Суждение о том, что в Древней Руси служилые, в том числе знатные, люди обязаны были *верной* службой своему князю, высказывается в литературе как само собой разумеющееся. Принцип верности в этой сфере обычно принимают как основополагающий и традиционный на Руси и возводят его к седой древности. Например, М. Б. Свердлов в новейшей книге сравнивает древнерусских дружинников с западноевропейскими вассалами и, отмечая, что соответствующим латинским обозначением их был термин *fidelis*, делает вывод: «...Русская дружина X — первой половины XI в. — это “верные” князю люди, которые служили ему на принципах дружбы-службы с материальным обеспечением за эту службу». Историк пытается опереться на пример соседних народов и указывает, что у германских народов «*верность* (Teue), следующие из нее договорные отношения и взаимные обязательства, являлась основой германских дружин и последующих вассальных отношений»³. В этой работе М. Б. Свердлов, таким образом, кладет принцип верности в основу и дружинных, и вассальных, т. е. феодальных, отношений, хотя в одной из более ранних работ с установлением новых «феодальных форм отношений князя и вассалов» в XI—XIII в. он связывал как раз падение этого принципа: по его словам, в это время

* Исследование осуществлено в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (грант № МК-309.2007.6).

¹ См., например, оживленное обсуждение в новейших работах терминологии, связанной с древнерусским вече: *Вилкул Т. Л.* «Людьє» и князь в конструкциях летописцев XI—XIII вв. Киев, 2007; *Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // *Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год: Политические институты Древней Руси.* М., 2006; *Лукин П. В.* О социальном составе новгородского веча XII—XIII вв. по летописным данным // *Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год: Политические институты Древней Руси.* М., 2006; *Лукин П. В.* Древнерусские «вои». IX — начало XII в. // *Средневековая Русь.* М., 2004. Вып. 5. С. 5—58.

² Опыт исследования такого рода лексики см., например, в моих публикациях: *Стефанович П. С.* Древнерусское понятие чести в памятниках литературы домонгольской Руси // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2004. № 2 (16); *Стефанович П. С.* К характеристике мировоззрения автора «Слова о полку Игореве»: понятие «слава» // *Неисчерпаемость источника: к 70-летию В. А. Кучкина.* М., 2005.

³ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 264.

«дружинный кодекс чести» становится «детерминирован не морально-этическими нормами “верности”, как в родоплеменном обществе», а материальными интересами⁴.

На поверку оказывается, что по интересующему нас поводу высказывания только одного автора внутренне противоречивы. Но даже если не пытаться поймать этого автора на противоречиях, а оценить отдельно его утверждения, высказанные в одной работе, то и в этом случае возникает целый ряд вопросов. В рецензии на его последнюю книгу уже было замечено, что на самом деле древнерусские источники не дают оснований для характеристики служилых людей русских князей как «верных» людей (*fideles*)⁵. Достаточно просто заглянуть в словоуказатель к «Повести временных лет», и мы увидим, что слова «верность», «верный» и однокоренные им ни разу не употребляются для характеристики отношений князей и дружинников или князей друг с другом. Вслед за А. Е. Пресняковым М. Б. Свердлов ссылается на германскую дружину, которая якобы крепилась принципом верности и послужила в этом смысле истоком вассалитета. Однако в весьма обширной историографии последних десятилетий, посвященной германской дружине, именно эти тезисы, которые отстаивались немецкими историками конца XIX — начала XX в. (на чьи работы и опирался А. Е. Пресняков), были подвергнуты многосторонней критике; и механизмы, скреплявшие дружинные объединения, и связь дружины с вассалитетом теперь видятся далеко не столь однозначными⁶.

Наконец, М. Б. Свердлов игнорирует возможность влияния христианской идеологии на складывание представлений о верности дружинника князю, что было бы логично предположить, исходя хотя бы из этимологической связи понятий *вера* и *верность*. Между тем в литературе уже обращалось внимание на конкретные факты, в самом деле свидетельствующие о такого рода влиянии. Например, М. А. Дьяконов, который придерживался точки зрения об исконности принципа «вольной службы» в отношениях князя и дружины в Древней Руси и относительно позднем происхождении идеи верной, не обусловленной материальным содержанием службы (т. е. точки зрения, противоположной мнению М. Б. Свердлова), связывал актуализацию этой идеи с «поучениями и правилами церкви, проповедовавшей начала неизменной верности своему князю». Эти «поучения и правила» он находил в некоторых сочинениях XIV–XV в.⁷ Решающее влияние христианства в становлении идеи верности правителю в раннем Средневековье в Западной Европе усматривают и современные западные медиэвисты.

Таким образом, представления об отношениях князя и служилой знати одного из ведущих современных специалистов по древнерусской истории, отражающие во многом расхожие стереотипы (и, в свою очередь, их подкрепляющие), на мой взгляд, явно недостаточно обоснованы. Причина этого, среди прочего, видимо, и в том, что в литературе, как ни странно, нет специальных исследований о принципиальных основаниях и механизмах функционирования отношений князя и знати в средневековой Руси. Разумеется, изучались отдельные аспекты этой темы. Например, предпринимались неоднократные попытки описания древнерусской дружины как социально-политического института, много писалось об отмирании в XIV–XV в. одного из «оплотов» дружинного строя — права служилых людей «отъехать» от своего князя на службу другому (как считается, в результате целенаправленной политики московских князей). Но в целом больше внимания обращалось на такие проблемы, как землевладение знатных людей, исполнение ими административных функций и т. п. Исследование происхождения обязанности верной службы знати князю и вообще истоков идеи верности, того, как на практике воплощалась эта идея, сочетаясь с договорным началом в их отношениях, как трансформировалась под влиянием внешних обстоятельств и требований христианской этики, было бы, как мне кажется,

⁴ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 215.

⁵ Лукин П. В., Стефанович П. С. Рецензия на: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. СПб., 2004 // Средневековая Русь. М., 2005. Вып. 6. С. 375–376.

⁶ См. подробнее: Стефанович П. С. Германская дружина и попытки сравнения ее со славянской дружиной: историографический обзор // *Rossica antiqua*. СПб., 2006. Вып. 1. С. 204–228.

⁷ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005 (впервые: Юрьев, 1907). С. 195.

весьма актуальным в настоящее время. Начать подобного рода исследование логично с анализа лексики, с помощью которой эта идея выражалась.

Слова «верность» и «неверность» относительно позднего происхождения. Древнейшие упоминания первого из них относятся только к концу XIV в., второго — к еще более позднему времени⁸. В старославянских и древнерусских памятниках письменности значения этих позднейших слов входили в довольно широкое семантическое поле лексем «вѣра» и «невѣрие» (или «невѣрствие»). Прилагательное «вѣрный» обозначало как «христианский», «верующий», так и «преданный», «надежный»; а «невѣрный» соответственно — «нехристианский» («безбожный»), «неверующий», а также «изменнический» («предательский»), «ненадежный». «Вѣрные» / «невѣрные» имели и другие значения: например, «достоверный» / «недостоверный». В текстах Священного писания эти прилагательные оказываются в синонимическом ряду со словами «правдѣный» («правдивый») и «неправдѣный»⁹. Естественно, что в христианском контексте лексемы «вѣра» / «невѣрие» и «вѣрный» / «невѣрный», объединяя, таким образом, целый ряд значений, тем не менее, всегда сохраняли определенные религиозные оттенки.

В переводных памятниках литературы домонгольской Руси эти слова могли употребляться в разных значениях и в разных контекстах, в том числе религиозно индифферентных и так или иначе относящихся к нашей теме (например, верность-неверность слуги господину или воинов военачальнику и т. п.). Однако в оригинальных произведениях древнерусской литературы — прежде всего в древнейшем летописании — в контексте описания отношений правителя и его знатного или незнатного окружения (князя и дружины) указанные термины не встречаются вплоть до конца XII в. Причем тогда, когда они начинают употребляться в этом контексте, они имеют довольно ярко выраженные религиозные коннотации.

В «Повести временных лет», а также в южном и северо-восточном летописании, вошедшем в состав Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, до конца XII в. слова «вѣрный» / «невѣрный» используются всегда в значении «верующий», «благоверный» / «неверующий», «языческий». В «Повести временных лет», например, в рассказе о том, как княгиня Ольга призывала Святослава креститься, «неверные» обозначают язычников. «Невѣрнымъ бо вѣра хре(сть)яньска уродѣство естъ», — объясняет летописец неприятие христианства дружинниками Святослава. В другом месте говорится о гибели дьявола в Русской земле, приобщившейся к христианству: отныне, по мысли летописца, демоны будут «проклинаеми от бл(а)говѣрныхъ мужь и от вѣрныхъ женъ, иже прияли суть крещенье и покаянье въ отпушенье грѣховъ...»¹⁰. Неоднократно упоминаются «верные человеци» или «верные люди», но обозначают они совсем не княжеских дружинников или вассалов (*fideles*), а тех, кто «с верою» относится к христианским святым, признает спасительную силу креста и т. д., т. е. истинно верующих христиан¹¹.

Впервые в летописании для характеристики взаимоотношений князя и знати из всех перечисленных слов употребляется слово «невѣрный». В Ипатьевской летописи рассказывается о разрыве новгородцев и князя Святослава Ростиславича в 1167 г. и передаются слова его дружины (которую он, очевидно, привел с собой в Новгород из Смоленска), извещенной о планах горожан «яти» их князя. «А топерво суть к тобѣ хр(е)сть целовали вси по отни см(е)рти», — сначала напоминают дружинники о крестоцеловании новгородцев, а затем констатируют: «Но обаче невѣрни суть всегда ко всимъ кн(я)земъ...»¹² Новгородцы осуждаются вообще за неверность князьям, но предполагается, что в основе их взаимоотношений лежит договор, — и речь, таким образом, идет о верности *по договору*.

⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 90–92; Вып. 11. М., 1986. С. 36–39.

⁹ См.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М., 1994. С. 165, 361; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. II. С. 299–303; Там же. М., 2002. Т. V. С. 244–246.

¹⁰ ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. I. Вып. 1–3. Стб. 63, 121.

¹¹ Там же. Стб. 137–138, 172, 174; Т. II. Стб. 270.

¹² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 537.

Обратим внимание на следующее обстоятельство: хотя то конкретное соглашение, которое заключили новгородцы и Святослав после смерти его отца Ростислава Мстиславича, было скреплено крестоцелованием, т. е. освящено религиозной санкцией, смоленские бояре говорят о верности именно князьям, а не данным под клятвой обещаниям. «Новгородцы» выступают здесь независимо, как представители города, а не как княжеские дружинники, поэтому неясно, насколько можно проецировать неверность в их отношениях с князьями, приглашаемыми на престол святой Софии, на отношения князя и его собственной дружины.

Осуждение новгородцев находим еще раз в Ипатьевской летописи в статье 6681 (1173) г., где рассказывается о походе сына Андрея Боголюбского Мстислава на Новгород (на самом деле состоявшемся в 1170 г.). Это событие автор статьи (по всей видимости, происходящей из северо-восточного летописания) трактует как наказание «людей новгородских» за «грехи» — за «преступление кр(е)стьяное и за гордость их». Именно их привычку «кр(е)сть кь княземь преступати» и тем самым «князь вьнуки и правнуки обеществовати и соромляти» летописец характеризует как «злое невѣрствие», которое «в нихъ вкоренилося»¹³. Хотя речь идет также прежде всего о нарушении политического договора, под пером книжника осуждение приобретает ярко выраженный религиозный характер: неверность крестоцелованию — это не просто обман, но грех против веры. Обращает на себя внимание то, что несоблюдение крестоцелования, данного князьям, расценивается не только как оскорбление им, но и как грех гордыни. Таким образом, угол зрения, выбранный летописцем для оценки отношений новгородцев и князей, последовательно религиозный, и в этом контексте понятие «неверствие» имеет двойную смысловую нагрузку: как политическую, так и религиозно-нравственную.

Слово «неверный» в интересующем нас контексте находим в повести об убиении Андрея Боголюбского. В обоих вариантах повести, представленных Ипатьевской и Лаврентьевской летописями (которые надо, видимо, рассматривать как равноправные в смысле древности и аутентичности текста и имевшие общий протограф¹⁴), присутствует одна фраза с характеристикой убийц князя как «неверных»: «а всѣхъ невѣрныхъ убиидъ числомъ 20, иже ся были сняли на оканьнии свѣтъ...»¹⁵. Вся повесть, явно написанная изначально духовным лицом и имеющая целью прославление князя-страстотерпца, «воследовавшего» своим «братома благоумными» Борису и Глебу, пронизана религиозным настроением, и значение этого слова здесь можно правильно понять только в свете этого общего настроения и соответствующих идей, высказываемых автором.

«Неверные» — это лишь один из эпитетов, используемых вместе с другими выразительными средствами и характеристиками ради одной цели — осуждения заговорщиков. Это осуждение достаточно ясно обозначено в более краткой версии Лаврентьевской летописи, где убийцы князя сравниваются со «зверьем дивным» и называются «оканьными»¹⁶. Но еще более сильные слова находит автор пространной редакции Ипатьевской летописи, который характеризует замысел заговорщиков как «свѣтъ лукавыи пагубоубиистьвенни», а их самих как «злыхъ свѣтниковъ», действовавших «дьяволимъ научениемъ». Подчеркивается неблагодарность «возлюбленного слуги», предавшего своего князя, — Якимя Кучковича, который сравнивается с Иудой: он побежал к остальным «оканьнымъ» заговорщикам, «якоже Иудеа къ Жидомъ, тьсняся угодити о(т)цю своему сотонѣ». Андрею, когда на него уже напали, приписываются такие слова: «О горе вам, неч(е)стивии, что уподобистеся Горясѣру (убийце Глеба. — П. С.). Что вы зло учинихъ? Аще кров(ь) мою прольясте на землѣ, да Б(ог)ъ оттомъститъ вы и мои хлѣбъ»¹⁷. В рассказе о некоем Кузмище Киянине, который пришел в Боголюбово и нашел тело убитого князя

¹³ Там же. Стб. 561. Близкий текст с описанием события и осуждением новгородцев содержится в Лаврентьевской летописи, но здесь отсутствует как раз утверждение об их «неверствии» (см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 362).

¹⁴ См.: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 149–158.

¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 369; ПСРЛ. Т. II. Стб. 586.

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 369–370.

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 585–587.

(эпизод, очевидно, записан с его же слов), экспрессия осуждения еще больше возрастает. С «плачем» Кузмище обращается к Андрею: «Г(о)с(поди)не мои, како еси не очютилъ сквѣрныхъ и неч(е)стивыхъ пагубоубииственныхъ ворожьбитъ своихъ, идущихъ к тобѣ?» У подошедшего Амбала ясына, ключника Андрея, Кузмище просит ковер, чтобы прикрыть тело князя, и называет ключника «вороже», а затем, когда тот говорит, что хочет «выверечи» тело псам, киевлянин произносит гневную речь: «О, еретиче! Уже псомъ выверечи! Помнишь ли, жидовине, въ которыхъ порѣтѣхъ пришелъ бѣшать? — Ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить...»¹⁸.

Очень интересно, как осуждение «окаянных» убийц обосновывается в повести теоретически. Здесь прослеживаются две тенденции. С одной стороны, в словах князя, гневно укоряющего предателей, и в словах Кузмищи, клеймящего княжеского ключника, звучит мотив, который условно можно назвать «темой неблагодарности». Андрей ссылается на то, что не причинял нападшим на него никакого «зла», а наоборот, они ему обязаны за его «хлеб». Киевлянин также образно (через сравнение того, как был одет ключник до приема на службу к князю и после гибели последнего) напоминает Амбалу, что своим положением он обязан князю. Этот мотив прослеживается в той части повести, которая присутствует только в Ипатьевской летописи.

С другой стороны, религиозное осуждение заговорщиков обосновано с помощью так называемой теории богоустановленности власти. Это обоснование находим в словах, которые присутствуют в обоих летописях и, видимо, были в их протографе (изначально во владимирском летописании)¹⁹. Теория богоустановленности власти имеет истоки в Новом завете (например: Рим. 13: 1–6), развивалась богословами как Восточной, так и Западной церквей²⁰, на Руси была известна по церковной литературе, «четым» книгам, отразилась она и в летописях²¹. В повести об убийстве Андрея Боголюбского приведены соответствующие ссылки: «И паки Павелъ ап(о)с(то)ль г(лаго)леть: всяка д(у)ша властелемъ (РА: властемъ) повинуется. Власти бо от б(о)га учинени сут(ь). Естъствомъ бо земнымъ подобенъ естъ всякому ч(е)л(о)в(е)ку ц(е)с(а)рь, властью же сана яко б(о)гъ. Вѣща бо великийъ Златоустецъ: тѣмже противятся волости, противятся закону Б(о)жью. Князь бо не туне мечъ носить, б(о)жии бо слуга естъ»²². Убийцы и предатели князя осуждаются, таким образом, за то, что они покусились на помазанника Божия.

Эти наблюдения позволяют трактовать слово «неверные», употребленное в повести, двойственно. В контексте теории богоустановленности власти, религиозных сентенций автора и в ряду таких однозначных эпитетов, как «окаянные», «нечестивые», «еретиче» и т. п., артикулируется его религиозное значение: «нехристианский», «противный истинной вере». В то же время «тема неблагодарности», глухо звучащая в произведении, дает основания считать, что в этом слове для автора (и для современных ему читателей) просматривалось и значение «предательский», «неблагодарный», «не-преданный».

Эти два упоминания слова «неверный» и одно упоминание слова «неверствие» применительно к политическим отношениям являются исключительными в летописании до XIV в. Особняком стоит лишь

¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 590–591. Слова, которыми Кузмище клеймит Амбала, обращаясь к нему, показывают, что он осуждал убийц также с христианской точки зрения: под «ворогом» явно имелся в виду представитель дьявольского «воинства»; под «еретичеством» в Древней Руси подразумевали вообще любое нарушение религиозных и нравственных норм; «жидовине» — это, по-видимому, либо обозначение конфессиональной принадлежности «ясына», либо сравнение его с евреями, распявшими Христа. Из благочестивых речей Кузмищи, к сожалению, неясно, кто он, собственно, был. Обращение к Андрею «господине мои», возможно, говорит о том, что он входил в дружину Боголюбского.

¹⁹ А. Н. Насонов считал эти слова вставкой, сделанной владимирским летописцем при включении первоначальной повести в «официальный великокняжеский свод» (который уже послужил протографом для Ипатьевской и Лаврентьевской летописей): Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 155–156.

²⁰ См. подробнее: Дьяконов М. А. Власть московских государей. М., 1889. С. 31 и след.

²¹ См., например, в древнейшей Кормчей XIII в.: «Такоже и к властельмъ страх имей и любовь... Всяка власть от Бога. По саньмъ же всемъ честь отдавай...» (РИБ. Т. VI. СПб., 1908. Стб. 124). Начиная с Изборника 1073 г. в «четьи» книги переписывались так называемые «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита, где развивается эта теория в «провиденциалистском» духе: какой бы ни был государь, ему следует повиноваться, если он — плохой, то это наказание народу за грехи. В таком виде она присутствует, например, в «Повести временных лет» в рассказе об убийстве Бориса и Глеба: ПСРЛ. Т. I. Стб. 139–140.

²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 370. Ср.: Т. II. Стб. 592–593. Сравнение авторитета царского «сана» с божественным — это цитата из сочинения византийского писателя VI в. Агапита, отрывки из которого нередко приводились в «четьих» сборниках, бытовавших на Руси.

Галицко-Волынская летопись, где лексемы, производные от слова «вера», встречаются значительно чаще. В этом своеобразном памятнике древнерусской литературы я выявил всего 24 упоминания таких лексем в нерелигиозном контексте. Из них 23 приходится на ту часть летописи, которую выделяют как «Летописец Даниила Галицкого»²³. Согласно последним текстологическим и литературоведческим изысканиям, заключительная редакция «Летописца» писалась после 1262 г. (в ней обнаруживаются заимствования из «Хронографа 1262 г.») и, видимо, доводила повествование до смерти Даниила Романовича (1265 г.). Окончание «Летописца» не сохранилось, и со статьи 6769 (1261) г. начинается владими́ро-волинское летописание²⁴.

Большинство выявленных упоминаний так или иначе связано с боярами Галича, отношения с которыми Даниила более всего интересуют автора «Летописца». Причем в памятнике последовательно выдержана строго негативная оценка поведения и политики галицких бояр или, по крайней мере, большей их части. Они осуждаются прежде всего за то, что не признают власть Даниила, сторонником которого выступает летописец, но также и вообще за корыстные устремления и гордыню, за которыми скрывались, выражаясь современным языком, излишние политические амбиции. В этом контексте тот факт, что из всего возможного набора производных от слова «вера» преобладает лексема «неверный», выглядит вполне естественным.

Первое упоминание приходится на статью 6710 г., где излагаются события 1205–1206 г. после смерти Романа Мстиславича²⁵. Оставшись без князя, галицкие бояре, по утверждению «Летописца», пригласили править черниговских князей, сыновей князя Игоря Святославича. Главная роль в принятии этого решения приписывается боярам Кормиличичам, которых в свое время Роман изгнал, но которые после его смерти вернулись в Галич. Об изгнании этих Кормиличичей летописец сообщает в поясняющем дополнительном предложении: «Иже бѣ загналь великѣй кн(я)зь Романъ невѣры ради, славяху бо Игоревича»²⁶. Как следует из этих слов, причиной изгнания бояр было то, что они симпатизировали конкурентам князя и тем самым не оправдали его доверия. Контекст употребления слова «невѣра» здесь чисто политический.

Как следует из текста далее, замечание о «невере» Кормиличичей, брошенное, казалось бы, вскользь, на самом деле предвещает рассказ о том, как боярин Владислав, видимо, старший в семействе Кормиличичей, сам «вокняжился» в Галиче, несмотря на то что Даниил был признан «отчичем» Галича и даже официально посажен там на «стол». Разумеется, Владислав за это заслуживает осуждения летописца, а галичане, которые на каком-то этапе поддержали боярина и «выгнали» из Галича мать Даниила, характеризуются как «неверные»²⁷. В то же время специально отмечается, что волынские «бояре велиции отца» Даниила, т. е. бояре князя Романа, оставшиеся служить его сыну, «не изневѣришася», а пошли с Даниилом и Васильком в Каменец, выделенный им в удел²⁸. Очевидно, здесь критерием для осуждения или, наоборот, похвалы бояр служат исключительно их преданность или непреданность детям Романа. С этой же точки зрения оценивается как «неверный» и один из галицких бояр, который пытался напасть на Даниила во время борьбы венгров и Мстислава Мстиславича «Удатного» («под рукою» которого ходил тогда Даниил) за Галич²⁹.

В этой же части летописи в статье под 6718 г. упоминается о «мятеже» венгерской знати, недовольной женой короля Андрея II Гертрудой (события в действительности имели место, видимо,

²³ См.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. Т. XII.

²⁴ См.: Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы: XI–XVI века. [Сб. 1]. М., 1989. С. 247–283; Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы: XI–XVI века. М., 1992. Сб. 3. С. 149–180; Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: К вопросу об авторе второй редакции // Герменевтика древнерусской литературы: XI–XVI века. М., 1994. Сб. 6. С. 62–79.

²⁵ Здесь и далее реальные даты указываются согласно работе: Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового Товариства ім. Т. Г. Шевченка. Львів, 1901. Т. XLI. В трактовке политических событий я опираюсь прежде всего на общий труд этого же автора (хотя учитываю, разумеется, и последующую историографию): Грушевський М. С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. III.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

²⁷ Там же. Стб. 727.

²⁸ Там же. Стб. 728.

²⁹ Там же. Стб. 734.

в 1213 г.). Венгерским баронам приписываются планы «убити» короля, а сами они называются «неверными боярами»³⁰. Здесь эпитет «неверный» сохраняет политический смысл, однако применяется уже по отношению не к галицким боярам или вообще предателям Даниила, а к венгерской знати. Такое употребление слова находит аналогию в сообщении о смерти Лешка князя краковского (1227 г.): согласно летописцу, он был убит на княжеском «снеме» «свѣтомъ боярь невѣрных»³¹. Таким образом, факт покушения на жизнь правителя позволяет характеризовать заговорщиков из его ближайшего окружения как «неверных», хотя речь идет не о русских князьях и их дружинах.

Еще раз поляки названы «неверными» в единственном случае употребления этого слова (в нерелигиозном контексте) во владимири-волинском летописании, вошедшем в состав Галицко-Волинской летописи. Во время усобицы польских князей Семовитовичей Владимир Василькович оказал помощь одному из них — Конраду. В летописи описано прибытие к Конраду посла Владимира и говорится, что посол об истинных планах русского князя сообщил Конраду тайно, так как у того бояре были «невѣрни», «абы не дали вѣсти» его врагам³².

Все остальные случаи употребления лексем, производных от «вера», приходятся на «Летописец Даниила Галицкого» и относятся уже только к русским. В статье 6737 г. (события 1230 г.) рассказывается о том, как впервые после долгого перерыва Даниилу удалось закрепиться в Галиче. Большинство жителей города поддержало Даниила, и он отбил город у венгров (которые владели городом с ухода Мстислава Мстиславича в 1227 г.). Поход королевича Белы на Галич не принес тому успеха. Рассказ об этом походе летописец заканчивает так: «И ушедши же ему (королевичу. — П. С.) за невѣрство боярь галичкихъ, Даниль же божьею волею одержжа градъ свои Галичь»³³. Упрек в «неверстве» выглядит здесь странно: ведь основная часть бояр тогда поддержала Даниила, и как раз благодаря тому, что они отказали в поддержке венграм, ему удалось «одержать град свой». Летописцу следовало бы скорее подчеркнуть тот факт, что даже бояре в тот момент признали своего «отчича», а вместо этого он и здесь видит только их коварство. Можно было бы, конечно, предположить, что слово «неверство» не несет в данном случае негативного смысла (т. е. понимать под ним нечто вроде коллективного боярского перехода), но этому противоречит то, что и в описании событий, предшествующих взятию Даниилом Галича, и в последующем рассказе автор постоянно говорит о «многом мятеже» и «великих лъстях» галицких бояр. Уже во фразе, следующей за вышеприведенной, сообщается, что «безбожные бояре галичкие» задумали «крамолу» против Даниила, а именно заговор «на убьенье и пред[а]нее землѣ его». Тут же одни из участников этого заговора (мнимого или действительного — этого вопроса я здесь не касаюсь) бояре Молибеговичи сравниваются со Святополком «оканьным» и характеризуются дважды как «неверные» и несколько раз как «безбожные»³⁴. Таким образом, тон осуждения галицких бояр все больше набирает силу, и оно получает новый смысл: они уже теперь не просто обманщики и предатели, но и нарушители божественного порядка, так как покушаются на власть, установившуюся «божьей волею». Сравнение со Святополком и набор эпитетов («оканьные», «безбожные») если не прямо, то косвенно отсылают нас к повести об убиении Андрея Боголюбского.

Рассказ о борьбе Даниила за Галич и «крамолах» бояр продолжается известным сообщением о созыве князем вече в городе перед походом на Перемышль в 1231 г. Здесь впервые в летописании мы сталкиваемся с противопоставлением «неверных» княжеских людей «верным». В качестве «верных» прямо названы отроки Даниила, которых у него осталось восемнадцать: «оставышуся въ 18 отрокъ вѣрныхъ и съ Дѣмьяномъ тысячкымъ своимъ». Кроме того, в репликах, которыми обмениваются Даниил и участники вече, выясняется верность этих последних — очевидно, жителей Галича, горожан. Даниил,

³⁰ Там же. Стб. 729.

³¹ Там же. Стб. 754.

³² Там же. Стб. 884.

³³ Там же. Стб. 761.

³⁴ Там же. Стб. 762.

согласно летописи, обратился к ним со словами: «Хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изиду на враги мое?» В ответ они «кликнули»: «Вѣрни есмы б(ог)у и тобѣ, г(о)с(поди)ну нашему, изииди с б(о)жиею помощью». Отрокам и горожанам противопоставляются некие «невѣрнии вси», которые тоже выступают в поход «на помощь» Даниилу, «мнящесе яко вѣрни суть»³⁵. В том, что здесь имеются в виду именно галицкие бояре, сомневаться не приходится, потому что вскоре описываются их новые «льсти» и сначала один из них опять называется «неверным», а затем и многие из них — те, кто снова привел в Галич венгров («королеви же посадившу сына своего Андрѣя в Галичи свѣтомъ невѣрныхъ галичанъ») ³⁶.

Этот эпизод замечателен не только тем, что здесь обозначаются «верные» князю группы населения. Примечательна также связь между верностью князю и верностью Богу, которая обнаруживается в словах горожан, собравшихся на вече. Вечники транслируют идею о божественных основаниях власти Даниила, которую летописец уже наметил несколько выше. Более того, их слова очень напоминают знаменитую формулу каролингского законодательства *fideles Dei et regis* («верные Богу и королю»), которая выражала связь верности Богу и уставленной им императорской власти. Эта формула или эти слова в том или ином порядке и сочетании часто использовались при составлении текста клятв, которые отдельные лица, группы населения или все подданные должны были приносить императорам Священной Римской империи³⁷. В «Летописце Даниила Галицкого» мы имеем почти дословный перевод этого выражения, и думаю, что, хотя совпадение русского текста и латинского выражения не абсолютно точно, автор летописи наверняка ориентировался на латинский образец. Он был явно знаком с польскими и венгерскими обычаями и даже — как предполагают некоторые — с латиноязычной литературой³⁸. Приложение латинского выражения к русским реалиям было тем легче, что в Польше и Венгрии русских князей обозначали всегда титулом *rex*.

В 1230—1231 г. открыто противостоял Даниилу один из наиболее выдающихся галицких бояр Судислав, который искал поддержки у венгерского короля. В 1232 г. Судислав и король Андрей выступили походом на Даниила, занимавшего Галич. Первой крупной крепостью, которую им пришлось брать, был город Ярослав. Посаженный там «от князя Данила» боярин Давид Вышатич сдал город, и летописец объясняет его поступок тем, что «теща его бѣше вѣрна Судиславу, кормильчя Неждиловаа, матерью бо си нарѣчашеть ю», и она и заставила Давида прекратить оборону³⁹. Какими бы ни были мотивы действий Данилова наместника и как бы ни понимать отношения его тещи с Судиславом, надо признать, что ее верность ему объяснялась какими-то родственными связями. Тем не менее эти родственные связи приобрели в тот момент политическое значение, и, видимо, в таком контексте надо рассматривать и отсылку летописца к понятию верности.

В 1236 г. после «крамолы» галицких бояр против Даниила в Галиче утвердился черниговский князь Михаил с сыном Ростиславом. Под его протекцией и в союзе с «болховскими князьями» «галичане» — очевидно, прежде всего бояре — предприняли поход на Каменец, находившийся во владениях Даниила. Сообщая об удачном отражении этой атаки Даниилом, летописец называет галичан «невѣрние»⁴⁰. Несколько позже Михаил заключил союз с Романовичами. Предлагая им помириться, Михаил, согласно летописи, оправдывался за свои «пакости», ссылаясь на то, что мира с ними ему не позволяли заключить «невѣрнии галичанъ»⁴¹. Из-за Батыева нашествия Даниил был вынужден уйти из Руси, причем своего сына он оставил в Венгрии, а не у галичан, — «вѣдаа невѣрствие ихъ», объясняет летописец⁴². Рассказ

³⁵ Там же. Стб. 763—764.

³⁶ Там же. Стб. 764, 766.

³⁷ См.: Helbig H. *Fideles Dei et Regis. Zur Bedeutungsentwicklung von Glaube und Treue im hohen Mittelalter* // Archiv für Kulturgeschichte. 1951. Bd. XXXIII. S. 275—306.

³⁸ Пауткин А. А. Афористические максимы в Галицко-Волынской летописи и польско-латинская литературная традиция // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996. С. 84—85.

³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 764—765.

⁴⁰ Там же. Стб. 775.

⁴¹ Там же. Стб. 783.

⁴² Там же. Стб. 787.

об установлении власти Даниила в Галиче после ухода монгол и борьбе его с Ростиславом Михайловичем содержит еще одну серию выпадов против галицкой знати, которая обвиняется в «мятежах» и «грабеже». Одни бояре названы «беззаконниками», другие — «нечестивыми», один — «неверным». Два боярина поссорились между собой, и один обвинял другого перед Даниилом: «Невѣрнѣ ты есть»⁴³.

Последний раз в «Летописце Даниила Галицкого» о верности заходит речь в связи с порукой. В 1252—1254 г., т. е. в то время, когда Даниил уже прочно обосновался в Галиче, татары совершали набеги на южные рубежи Галицкой земли. Наместник Даниила в городе Бакота Милей — очевидно, галицкий боярин⁴⁴ — «приложися к нимъ», но затем его и татарского баскака поймал Лев Данилович, посланный отцом, чтобы вернуть владения. Лев привел Милея к Даниилу, и тот отпустил боярина обратно, после того как за него поручился Лев: «а поручникъ бысть Левъ, яко вѣрну ему быти». Правда, когда татары второй раз пришли к Бакоте, Милей «створи льсть» и «предать» им город⁴⁵. Это — первое известие о поручительстве за бояр, которое стало очень распространенным явлением в XIV—XV в. в русских землях, как северо-восточных, состоявших под властью Орды, так и южных и западных, оказавшихся в Великом княжестве Литовском. Такого рода порука фиксировалась в специальных грамотах (записях)⁴⁶. В более позднее время поручителями выступают бояре, служебные князья и церковные иерархи. В эпизоде с Милеем «поручником» за боярина выступил сын правящего князя, что, возможно, объясняется тем, что именно он «ял» этого боярина и привел его в Галич. Так или иначе, поскольку смыслом поруки было именно обеспечение верности, неслучайно, что здесь появляется отсылка к этому понятию. В данном случае мы видим и противопоставление антонимических понятий — верности противостоит «льсть», т. е. обман, предательство.

Анализ употребления лексем, производных от слова «вера», со значением «верность» / «неверность» в древнерусском летописании до конца XIII в. свидетельствует против тезиса, что в сфере отношений князя с дружиной (служилыми людьми) идея верности издревле играла заметную роль. Во всяком случае, о верности в смысле положительно сформулированного идеала политического поведения в летописи заходит речь фактически лишь однажды — при описании веча, созванного Даниилом в Галиче в 1231 г. Характерно, что при этом речь идет о верности не знати на службе князя, а отроков (младших дружинников или даже слуг в непосредственном окружении или личной охране князя) и горожан.

Впервые вообще о верности князю как правителю в летописях речь заходит также применительно не к служилой знати и даже не к какой-либо социальной группе, а к новгородцам как представителям определенной территории (земли). И эти первые упоминания, во-первых, относятся к относительно позднему времени (60-е годы XII в.), а во-вторых, сформулированы в негативном плане, т. е. не подразумевают некий более или менее абстрактный идеал, а имеют в виду только осуждение обмана князя. Осуждая новгородцев, летописец соотносит этот обман с высшими ценностями лишь косвенным образом, не соединяя их прямо с фигурой самого князя: либо обвиняя их в нарушении клятвы, либо упрекая в «гордости», которая толкает их к непризнанию княжеского авторитета. В дальнейшем в подавляющем большинстве случаев только из выражений осуждения и упрека и можно догадаться, что все-таки существовали некие представления об обязанности служилых людей быть преданными своему князю. Каким образом обосновывалась преданность князю (т. е. *почему*, собственно, надо быть верным

⁴³ Там же. Стб. 790, 793.

⁴⁴ Не могу согласиться с М. С. Грушевским, который более вероятным считал, что этот Милей не княжеский «наместник», а «какой-то местный старшина, “старец градский”» (*Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 84*). Оснований для такого заключения историк никаких не приводит. Между тем все, что мы знаем о порядке управления городами, и особенно порубежными крепостями, в русских землях, говорит в пользу того, что в Бакоте должен был сидеть именно представитель князя, защищавший его интересы и его владения и собиравший соответствующий «корм».

⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 828—829.

⁴⁶ О поручных записях в контексте традиции использования поруки в политической практике московских князей см.: *Horace W. Dewey, Political Poruka in Muscovite Rus' // The Russian Review. Vol. 46 (1987). № 2. P. 117—134.*

ему) в рамках этих представлений, нигде не сформулированных положительно, судить сложно. Можно только предположить, что «тема неблагодарности», которая проскальзывает в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского по версии Ипатьевской летописи, в какой-то степени отражала архаическое мировоззрение, предполагавшее обязательную взаимность в услугах и дарах. Ясным представляется, однако, тот факт, что с конца XII в. эта преданность все четче и сильнее связывалась с идеями христианского содержания и происхождения. В рассказе об убийстве Андрея, где впервые эпитет «неверный» применяется по отношению к лицам, приближенным к князю, часть которых имела боярский статус, осуждение этих лиц проведено наиболее отчетливо (в обеих редакциях текста) именно с христианской точки зрения: они обвиняются в том, что покусились на человека, которому самим Богом поручена власть над людьми. Такой взгляд, обозначаемый в литературе обычно как теория богоустановленности власти, присущ не только летописцу с северо-востока Руси, но и автору «Летописца Даниила Галицкого», явно связанному с Владимиром-Вольнским.

Историограф Даниила Романовича обвиняет в «неверности», главным образом, галицких бояр. Правда, в нескольких случаях он говорит неопределенно о неверных «галичанах», никак не давая понять, кого именно он имеет в виду, и подразумевая, очевидно, вообще представителей Галицкой земли. В этом смысле его эскапады можно поставить в один ряд с теми обвинениями в неверности новгородцев, которые мы видели в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях в сообщениях за вторую половину XII в. Однако, поскольку в ряде случаев автор «Летописца» противопоставляет бояр и горожан Галича в их отношении к Даниилу и поскольку в тех случаях, когда в неверности обвиняются конкретные люди, эти люди все без исключения оказываются галицкими боярами, правильнее будет заключить, что в основном его недовольство вызывают именно эти последние. Стояли ли за этим противопоставлением реальные различия в политических симпатиях социальных слоев Галича, вопрос отдельный, который здесь обсуждать не место. Однако при решении этого вопроса нельзя забывать о неприкрытой пристрастности автора «Летописца» — он целиком на стороне прославляемого им князя и клеймит галицких бояр даже тогда, когда они отказывают в поддержке политическим конкурентам Даниила и держат его сторону. Когда летописец обвиняет бояр в «неверстве» венграм и тут же сообщает об утверждении Даниила в Галиче, он подчеркивает, что установление власти князя в городе состоялось исключительно «Божьею волею», но только не благодаря поддержке бояр. Это, конечно, явное преувеличение — если не все, то какая-то часть бояр, и если не всегда, то в какие-то моменты все-таки поддерживала Романовичей. В таком передергивании фактов нельзя не увидеть тенденциозность летописца, за которой стояло явно нечто большее, чем прямое отражение любви «простого народа» к сильному князю.

Теоретическое обоснование своим взглядам автор «Летописца» ищет, с одной стороны, в идее отчинности, т. е. права князя на владение той или иной областью по наследству, а с другой — в теории богоустановленности власти. О том, что Даниил «отчич» Галичу, сообщается, как указывалось выше, уже в начале этого произведения, и это сообщение неслучайно — оно служит отправной точкой для всех последующих оценок. Идея богоустановленности власти просматривается в эпизоде с вечем, созванным Даниилом в 1231 г.: горожане признают власть князя именно как освященную свыше. Каролингская формула была переложена автором не механически: она осмыслена здесь применительно к конкретной исторической ситуации и весьма искусно вписана в литературный контекст. Не случайно, что ссылка на божественный авторитет находит параллели и в других местах «Летописца» — прежде всего в рассказе о том, как незадолго до похода татар на Южную Русь Даниил занял Галич при поддержке горожан. Слова жителей Галича, приветствовавших его приход, летописец передает так: «Се есть держатель нашъ б(ого)мъ даньи», а затем с умилением добавляет: «И пустишася, яко дѣти ко о(т)чю, яко пчелы к матцѣ, яко жажущи воды ко источнику». О боярах же говорит, что они признали власть Даниила, «падше на ногу его, просяще м(и)л(о)сти, яко: согрѣшихом ти — иного князя держахомъ»⁴⁷. Таким образом, неверность бояр ставится в контекст религиозного осуждения:

⁴⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777–778.

они неверны богоустановленной власти («держатель Богом данный»), и эта их неверность — грех («согрешихом»). В этом контексте уже оправданными выглядят и другие эпитеты, которыми «награждает» их автор, — «безбожные», «льстивые», «беззаконные», «окаянные» и пр.

Любопытно, что летописец не упоминает о неверности галичан обещанию признавать власть Даниила, данному ими с крестоцелованием. Из Лаврентьевской летописи известно, что сразу после смерти Романа галичане «целоваша кр(е)сть къ с(ы)ну его Данилу»⁴⁸. Возможно, конечно, сообщение об этом крестоцеловании было в самом начале «Летописца», которое, как известно, не сохранилось, но все равно странно, что автор позднее не вспоминает об этом, хотя указание о нарушении галичанами клятвенных обязательств могло бы послужить веским доводом в обосновании их «неверствия». Может быть, в идее верности по клятве просматривался намек на договорное начало в отношениях князя и населения, а это было неприемлемо для летописца. Эта идея уступала теории богоустановленности власти, диктовавшей не условное, а абсолютное признание княжеской власти.

В целом, надо признать, что автор «Летописца» существенно развивает идею верности и для него она имеет большое значение именно в отношениях князя с населением, и особенно со служащей ему знатью. Не случайно, что в рамках парадигмы «верность—неверность» оцениваются отношения Даниила не только с галицким боярством, но и с волынским, а также отношения правителей и знати в сопредельных странах — у венгров и поляков. Пока трудно судить, насколько отражала эта тенденция в летописных оценках реальные изменения в строе отношений князя и знати. Однако упоминание о поруке, которая применялась к одному из служилых людей Даниила, склоняет скорее к тому, что идеи более или менее коррелировали с практикой: идеализация отношений правителя и подданных, намеренное «очищение» их от материальной составляющей должны были компенсироваться практическими механизмами обеспечения верности, и порука, видимо, и была одним из таких механизмов.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 425.